

Ищенко Оксана Владимировна

"УЖАС НАШЕГО ВРЕМЕНИ...": СИБИРСКИЕ ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ О САМОУБИЙСТВАХ ВОСПИТАННИКОВ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматривается отображение проблемы самоубийств воспитанников учебных заведений на страницах сибирских печатных изданий в конце XIX - начале XX в. В этой связи проведен анализ основных причин суицидальных актов, представлявшихся вниманию общественности. Автором сделан вывод о том, что сибирские печатные издания использовали тему самоубийств как повод для критики действительности, что сыграло немалую роль в формировании общественного мнения о необходимости перемен и в школе, и в государстве.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. II. С. 104-109. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

FOLK METHODS OF TREATMENT AND FORTUNE-TELLING AMONG THE KRYASHEN TATARS OF THE VOLGA-URAL REGION (THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY). SEMANTICS OF MYTHOLOGICAL IMAGES AND MAGICAL PRACTICE

Iskhakov Radik Ravil'evich, Ph. D. in History
Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
ishakov83@rambler.ru

The article is devoted to studying the early forms of the religious and mythological conceptions and rites of the Kryashen Tatars (baptized Tatars) of the Volga-Ural region associated with medical magic and fortune-telling. By historical-ethnographic material the author shows the specifics of the magical practices of the Kryashen sorcerers, mythological images and the related archaic cults. The paper focuses on the Kryashens' conceptions based on beliefs in the interrelation of the natural and super-natural worlds.

Key words and phrases: early forms of religion; history of the Kryashen Tatars; medical magic; fortune-telling; inter-confessional relations; traditional rites.

УДК 94(47).083:37.01

Исторические науки и археология

В статье рассматривается отображение проблемы самоубийств воспитанников учебных заведений на страницах сибирских печатных изданий в конце XIX – начале XX в. В этой связи проведен анализ основных причин суицидальных актов, представлявшихся вниманию общественности. Автором сделан вывод о том, что сибирские печатные издания использовали тему самоубийств как повод для критики действительности, что сыграло немалую роль в формировании общественного мнения о необходимости перемен и в школе, и в государстве.

Ключевые слова и фразы: воспитанники учебных заведений; самоубийства; печатные издания; постановка учебного дела; материальная необеспеченность; общественное мнение; преобразования.

Ищенко Оксана Владимировна, д.и.н., доцент
Сургутский государственный университет ХМАО – Югры
ioyfu@yandex.ru

«УЖАС НАШЕГО ВРЕМЕНИ...»: СИБИРСКИЕ ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ О САМОУБИЙСТВАХ ВОСПИТАННИКОВ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ©

На рубеже XIX-XX вв. Россию буквально захлестнула волна самоубийств представителей учащейся молодежи. Периодические издания с пугающей регулярностью сообщали о случаях самоубийства или покушений на самоубийство очень молодых людей: студентов и школьников. «Ужас нашего времени», «Эпидемия самоубийства» – под такими заголовками размещала материал о молодежных суицидах сибирская печать. Серьезные работы, посвященные анализу самоубийств, были представлены обществу врачами, педагогами, публицистами [3; 6; 15; 39]. Врачебно-санитарной частью Министерства народного просвещения издавался ежегодный отчет под заголовком «Самоубийства, покушения на самоубийство и несчастные случаи среди учащихся русских учебных заведений Министерства народного просвещения». Изучение статистики самоубийств активно использовалось в политических целях представителями различных политических течений, и сторонники леворадикальных взглядов напрямую связывали суицидальные настроения в среде учащихся с необходимостью изменения государственного строя.

В отношении важности изучения самоубийств стоит согласиться с историком В. С. Тяжелниковой, утверждающей, что каждый конкретный случай суицидального действия является, как правило, результатом одновременного воздействия нескольких специфических для определенного исторического периода факторов. «Самоубийство – как крайняя форма реакции – происходит именно в тот момент, когда эти факторы проявляются настолько сильно и резко, что сосуществование с ними на индивидуальном уровне более невозможно, – считает исследователь. – Повторение случаев, вызванных сходными причинами, позволяет понять состояние общества в тот или иной исторический период. Мотивы отдельных факторов можно распространить на соответствующие социальные, возрастные, религиозные и т.п. общественные слои. Это даст возможность определить наиболее существенные стороны социального давления и дискомфорта, которые в абсолютном большинстве случаев не принимают вид такой крайней поведенческой модели, но, безусловно, воздействуют либо на представителей того же социального типа, либо на все общество» [38, с. 158].

В наши дни изучение феномена молодежных самоубийств в конце XIX – начале XX в. сохраняет свою актуальность, поскольку дает возможность применить результаты анализа явлений прошлого к решению сегодняшних проблем. Тем не менее во многом спорным остается вопрос о причинах, по которым воспитанники

учебных заведений решались на столь страшный шаг. Серьезные дискуссии в научной литературе ведутся и по поводу тенденциозности освещения молодежных суицидов в трудах современников и научной литературе. В психолого-педагогических исследованиях молодежный суицид оценивается как неадекватная реакция неустойчивой психики взрослеющего молодого человека на непонимание со стороны близких ему людей, а в более широком плане – на несовершенство окружающего мира. Однако не только возрастные комплексы подталкивали подростков, чье взросление пришлось на сложный период рубежа веков, к роковой черте. И современники, и историки увязывают нарастание числа самоубийств в значительной степени с состоянием социума, находящегося в стадии перелома и отрицания традиционных ценностей, неясности общественных перспектив, кризиса семьи и школы, духовной катастрофы в целом [2, с. 97].

В то же время ученые и публицисты по-разному определяли причины молодежных самоубийств, что в значительной степени зависело и зависит от специфики взгляда автора на указанную проблему. Так, например, позиция социал-демократов по этому вопросу в начале XX в. была четко обозначена Н. К. Крупской, которая в 1911 г. в статье «Самоубийства среди учащихся и свободная трудовая школа» писала: «Сухие цифры говорят о том, что с каждым годом растет то, чему нет имени на человеческом языке, – самоубийства детей и подростков». Эти самоубийства, утверждала Н. К. Крупская, происходят оттого, что школа не проявляет чуткого отношения к детям, оторвана от жизни, что в ней царствует формализм. Все это, в свою очередь, является следствием общественного строя, который необходимо свергнуть [14, с. 289]. Впрочем, критика господствовавшего строя звучала не только из уст сторонников революционных изменений в обществе. Отмечая рост числа самоубийств молодежи в период первой революции в России, известный юрист, кадет, профессор И. А. Малиновский печально замечал: «Человеческая жизнь очень мало ценится в атмосфере казней» [17, с. 131].

В советский период рост числа самоубийств воспитанников учебных заведений в начале XX в. связывался с гнетущей атмосферой в учебных заведениях, внешкольным надзором за учащимися, отсутствием у них элементарных свобод [13, с. 122]. Ростом упаднических настроений в школе, ставшей «тюрьмой для молодежи», объяснялось увеличение количества суицидов в межреволюционный период [40, с. 89]. «Реакционная система обучения» определялась как основной фактор, способствовавший самоубийствам учащейся молодежи, и в трудах более позднего периода [12, с. 9]. В современных исследованиях проблема самоубийств воспитанников учебных заведений рассматривается с разных сторон: через понятие социализации (А. Б. Лярский) [16], как девиантное поведение (И. В. Синова) [36] на основе выявления педагогических факторов суицидального поведения учащихся (С. И. Беленцов, С. А. Завражин) [1; 7] и т.п. Многовариантность подходов к характеристике молодежных суицидов заставляет историков чаще всего выбирать определенное направление исследования. Например, Н. С. Ватник, выявляя в качестве основных причин, по которым учащиеся начала XX столетия пытались уйти из жизни, конфликты с родителями, обстоятельства школьной жизни, несчастную любовь, потерю близких, болезнь, психическое нездоровье, алкоголизм и др., выделяет при этом в качестве предмета рассмотрения суицидальные факты, связанные только с учебной деятельностью школьников [2].

В связи с этим данное исследование будет посвящено, в первую очередь, анализу отображения проблемы самоубийств воспитанников учебных заведений на страницах сибирских печатных изданий в конце XIX – начале XX в. в контексте его влияния на формирование общественного мнения.

Как было указано выше, в конце XIX – начале XX в. в России произошло резкое увеличение количества самоубийств воспитанников учебных заведений. При этом, возрастая параллельно с количеством самоубийств взрослых, суициды детей и молодежи составляли очень значительную долю в общем количестве суицидальных актов. Так, в 1905-1908 гг., по подсчетам доктора Жбанкова, из всех самоубийств и покушений на самоубийства в Москве, Одессе и Петербурге в 38% случаев они были совершены молодыми людьми до двадцати лет [16], многие из которых обучались в низшей, средней и высшей школе. Только в 1905 г. в учебных заведениях Европейской России было зафиксировано 21 самоубийство и 6 покушений на самоубийство [26].

Согласно сведениям Министерства народного просвещения о количестве самоубийств учащихся подведомственных учебных заведений, в 1898 г. было совершено 19 таких актов, в 1899 г. – 12, в 1900 г. – 14, в 1902 г. – 31, в 1903 г. – 27, в 1905 г. – 25, в 1906 г. – 44, в 1907 г. – 74, в 1908 г. – 83, в 1909 г. – 143, в 1911 – 242, в 1912 – 251 [2, с. 97]. Однако российская пресса, публикуя доклад доктора Г. И. Гордона, сделанный им 29 января 1910 г. в заседании отделения гигиены и воспитания при Русском обществе охранения народного здоровья, оперировала другими данными: 1904 г. – 20 школьных самоубийств, 1905 г. – 47, 1906 г. – 71, 1907 г. – 112, 1908 г. – 132, 1909 г. – 230, т.е. за 6 лет покончили с собой 612 воспитанников учебных заведений [21, 21 октября]. Еще более ужасающей выглядела динамика относительных показателей: в 1904 г. на 100 тыс. учащихся приходилось 6,2 самоубийства, в 1905 – 13,8, в 1906 – 19,7, в 1907 – 29,4, в 1908 – 32,2 [23, 10 февраля]. Рост числа самоубийств в школах заметно опережал темпы прироста количества учащихся в них.

Обеспокоенность общества указанной проблемой нашла свое выражение в многочисленных публикациях на эту тему, размещаемых в периодических изданиях. Проследим выборочно сведения о самоубийствах, попадавшие преимущественно на страницы сибирской печати. В данном случае интерес представляет не столько подсчет количества суицидальных случаев (самоубийств и покушений на самоубийство), сколько выяснение причин, толкнувших молодых людей на такой страшный шаг. Так, 15 сентября 1881 г. застрелился ученик 6 класса Томского реального училища Вадим Ядрихинский. Мальчик хорошо учился, был материально обеспечен, но при этом отличался сосредоточенностью, молчаливостью, говорил товарищам, что жить не стоит. В предсмертном письме он указал, что «кончат жизнь вследствие разочарования в ней и невыносимых нравственных страданий, открыть которые было некому, а носить в груди не было силы» [37, с. 16]. В 1896 г.

пытался отравиться воспитанник Омской центральной фельдшерской школы Куликов в знак протеста против его заключения в карцер [10, д. 2, л. 30]. В декабре 1909 г. газеты сообщали о том, что из-за полученной двойки покушалась на самоубийство ученица 6 класса Омской 1-й женской гимназии, и в это же время покончил с собой гимназист 6 класса Омской мужской гимназии П. Васильев [28, 21 января]. В 1909 г. покончил с собой из-за провала на переводных экзаменах в Омскую мужскую гимназию молодой человек, чью фамилию не удалось установить. В предсмертной записке он писал: «Трудно себе даже представить, что мне приходится умирать, умирать из-за каких-то экзаменов, собственно говоря, это глупость из-за которой на такой шаг не следовало было пускаться... /Но/ мое положение безвыходно... Не желая убить горем отца я лучше умру, чем буду и сам мучаться, и мучить отца» [9, д. 16, л. 21]. 16 января 1910 г., опасаясь исключения за плохую учебу, покончил с собой 16-летний ученик 3 класса Томского городского училища Т. Вставсков [28, 19 января]. В том же году из-за неуспеваемости и тяжелой болезни пыталась отравиться ученица Тюменской женской гимназии Корлякова [4, д. 5, л. 10-11]. В октябре 1911 г. из-за несправедливо полученных плохих отметок и боязни «ругани» родителей покушался на самоубийство ученик Тюменского реального училища Г. Мадатов [5, д. 189, л. 6]. В июне 1911 г. покончил с собой ученик 5 класса Томского реального училища П. Обрывкин. Причина, которая называлась в прессе, – двойка, полученная на экзамене по русскому языку и тяжелой семейная обстановка [21, 25 июня]. 14 декабря 1912 г. из-за двойки покончила с собой ученица 2-й Омской женской гимназии [22, 18 декабря]. В сентябре 1912 г. в Томске покончил с собой ученик 7 класса 1-го Сибирского политехникума Муковозов. Причина – оставление на 2-й год в том же классе [25, 25 сентября]. 17 апреля 1913 г. бросилась под поезд воспитанница 4 класса Томской женской гимназии [29, 18 апреля]. 22 апреля 1913 г. покончил с собой 16-летний ученик 2 класса 4-классного городского училища Н. Хлыстунов [Там же, 22 апреля]. 4 марта 1914 г. застрелился ученик Томской мужской гимназии Н. Жуков, написавший в предсмертной записке: «Я не хочу, чтобы меня выгнали из гимназии и стреляюсь» [30, 18 марта].

Приведенный страшный список далеко не полон, но даже эти отрывочные сведения позволяют сделать вывод о том, что в большинстве случаев причиной самоубийства учащихся являлась их неуспешность в учебе. Причем зачастую сибирские либеральные издания напрямую обвиняли в формировании подобных настроений учеников обстановку, царящую в учебных заведениях, и педагогов, равнодушных к нуждам детей. Так, например, газета «Сибирская жизнь», помещая в 1910 г. заметку о самоубийстве гимназиста Омской мужской гимназии П. Васильева, резко критиковала режим в гимназии, «способствующий росту нервозности учащихся» [28, 21 января]. В этом же издании в 1913 г. выражалась надежда на то, что приближающаяся к Иркутску ревизия попечителя Харьковского учебного округа Соколовского «очистит авгиевы конюшни в училище императора Александра III и уберет из стен его тех господ, благодаря которым учащаяся молодежь покушается на самоубийство» [29, 7 апреля].

В прессе был подробно описан и случай покушения на самоубийство в 1913 г. ученика 4 класса Иркутского городского училища Александра Бякова: Бяков во время урока алгебры попросился выйти, учитель В. Н. Истомин его не пустил. Начались пререкания, и Бяков был удален из класса, после чего он пытался повеситься в туалете. По этому поводу газета писала: «Истомин не пользуется никакой любовью учеников как придирчивый человек и формалист, по недоразумению взявший на себя ответственное дело, в котором знание души детской – первое дело» [8, д. 297, л. 2]. Самоубийство ученика Томской мужской гимназии Н. Жукова в «Сибирской жизни» было объяснено следующим образом: «Его глубоко угнетал казенный формализм, дурное отношение преподавателей к воспитанникам» [30, 18 марта]. Учитывая сложившуюся ситуацию, газета «Омский телеграф» в мае 1911 г. разместила перепечатанный из газеты «Русское слово» текст обращения председателя комиссии по борьбе со школьными самоубийствами к родителям и педагогам с предупреждением о возможности роста числа самоубийств в наступивший период экзаменов. В обращении звучала просьба отнестись к ученикам с вниманием [24, 22 мая]. И это предупреждение имело под собой более чем серьезные основания, поскольку только за экзаменационный период мая 1909 г. в России было зарегистрировано 80 самоубийств учащихся [13, с. 125].

И действительно, можно предположить, что для воспитанников низших и средних учебных заведений, не имевших собственного заработка и полностью зависящих от родителей, которые оплачивали их обучение, получение неудовлетворительных оценок, влекущих за собой исключение из учебного заведения, становилось настоящей трагедией. С другой стороны, осознание своей зависимости от педагогов, многие из которых представляли собой классический тип «человека в футляре», было еще одной причиной, толкавшей учащихся на уход из жизни.

Вопрос о самоубийствах воспитанников учебных заведений оказался настолько острым, что в прессе не только фиксировались подобные случаи, но и была проведена попытка анализа причин молодежных суицидов. Например, в размещенной в газете «Омский вестник» большой статье под заголовком «Ужас нашего времени», посвященной самоубийствам в средней школе, критиковалась обстановка в учебных заведениях, доводящая детей до самоубийств [21, 21 октября]. Газета «Сибирская жизнь», посвятив этой же теме статью «Эпидемия самоубийства», приходила к выводу о том, что нужна не только реформа школы, но и реформирование всего государства [28, 25 мая].

Подобные публикации заметно влияли на формирование в обществе убеждения в том, что изменения в школе необходимы. В частности, в вышедшей в Томске в 1909 г. книге «Накануне реформы средних школ» утверждалось, что школа в современном виде губит детей, поскольку в ней нет физических упражнений, головы забиваются ненужной информацией (особенно древними языками), без всякой критики принимаются

иностранные программы, которые без учета местных особенностей переносятся на русскую почву. В школе муштра, зубрежка, громадное количество уроков задается на дом, отсюда болезни, нервные расстройства и даже самоубийства. «Масса живых, бойких, любознательных и словоохотливых детей превращаются при известном школьном режиме в вялых, малоподвижных, замкнутых, апатичных и рассеянных юношей», – отмечалось в книге. Все это вместе взятое, по мнению ее автора, свидетельствовало о необходимости срочного проведения школьной реформы [19, с. 1].

В поисках общественной поддержки учащиеся в ряде случаев сами обращались в периодические издания. Так, в 1912 г. 72 ученика Омской центральной фельдшерской школы послали письмо в газету «Речь», где писали: «Директор со своими услужливыми воспитателями до того сгустили школьную атмосферу, что вот уже 4 года как у нас идут волнения, целые десятки выбрасываются из школы, а некоторые даже прибегают к самоотравлению. Если еще такое состояние нервного напряжения будет продолжаться, то мы боимся, как бы не закончилось все катастрофой, ибо некоторые ученики уже выведены из состояния психического равновесия» [31, с. 57].

Много места на своих страницах проблемным сторонам жизни школы уделял журнал «Сибирские вопросы». Например, в статье, озаглавленной «Изнанка нашей школы и фальсификация образования», критиковалась плохая постановка учебного дела, грубость и некомпетентность учителей, строгие правила надзора за учащимися [34, с. 28-65]. Удручающая обстановка в школах, закостенелый учительский состав были детально описаны в «Очерках из жизни сибирского учителя» [33]. По мнению журнала, именно эти факторы подталкивали учащихся к суицидальным действиям. Например, в Томской Мариинской женской гимназии причиной покушения на самоубийство учащейся стало внезапное исключение перед экзаменами всех неуспевающих [32, с. 62]. При этом в журнале отмечалось, что реакция руководства учебных заведений на факты покушения учащихся на самоубийство выразилась в снижении им балла за поведение [31, с. 57].

Таким образом, очевидно, что сибирская печать, определяя причины самоубийств школьников, в первую очередь, обращала внимание общественности на «неправильную постановку школьного дела». С этим взглядом солидарны и многие исследователи. Так, проведенный Н. С. Ватником анализ донесений директоров школ и учетных документов за 1901-1916 гг. свидетельствует о том, что в общем количестве самоубийств преобладали суицидальные факты, связанные с учебной деятельностью школьников (50-70% от общего количества). Систематизируя «школьные причины» самоубийств, ученый выделяет неуспешность в учебе и страх перед получением плохих оценок, конфликты с преподавателями, упреки родных в связи с низкой успеваемостью, страдания из-за обучения и проживания вне семьи. Причем, по мнению Н. С. Ватника, именно трудности в усвоении учебного материала и страхи по поводу неудовлетворительной оценки лидировали в числе мотивов, подталкивавших ученика к роковому поступку [2, с. 97].

Схожая точка зрения высказывается и исследователем С. И. Беленцовым, считающим, что постоянное опасение получить плохую отметку, за которой следовали другие неприятности, содействовало формированию у школьников неуверенного характера, робко отступавшего перед затруднениями. Строгость и требовательность педагогов, подчеркивание ими недостатков и несовершенств ребенка, столь свойственных его возрасту, неумолимое преследование его за провинности, неизбежные в период обучения, доводили ученика до полной потери веры в себя, подавления стремления к развитию и толкали к поиску выхода из сложившейся ситуации посредством различного рода асоциальных и девиантных действий [1, с. 34-35].

Казалось бы, ослабление зависимости от родителей и педагогов, наступавшее с окончанием средней школы, должно было привести к устранению значительной части причин суицидов в студенческой среде и, следовательно, сокращению их количества. Но факты свидетельствуют об обратном. Самоубийства в высшей школе, к сожалению, были таким же обыденным явлением, но вызывались они зачастую уже другими обстоятельствами. Приведем лишь некоторые данные, зафиксированные в сибирских изданиях. Например, 29 ноября 1908 г. из-за тяжелой болезни покончил с собой студент Томского университета, курсовой староста А. А. Филиппович [37, с. 118]. 1 марта 1910 г. в лаборатории химического корпуса Томского технологического института отравился цианистым калием студент Н. Зобнин [28, 3 марта]. 7 апреля 1911 г. студент К. Д. Лысенко зарезал свою жену, покушался убить годовалую дочь и отравиться. Сам он объяснил это крайней нуждой, но, по отзывам знавших его, Лысенко страдал психическим расстройством. В этот же день покончил с собой студент Томского технологического института С. В. Чахлов, который «вел неправильный образ жизни и материально нуждался» [21, 15 апреля]. 15 января 1913 г. застрелился студент-технолог Э. Покрживницкий, указавший в предсмертной записке, что он разочаровался в жизни [29, 17 января]. 21 января 1913 г. из-за «неудовлетворенности жизнью и туберкулеза» покончил с собой студент-медик Е. И. Пляскин [Там же, 22 января]. Разочарование в жизни, нужда, болезни – эти причины студенческих самоубийств сибирская пресса называла чаще всего.

Следует отметить, что указанные причины выделялись в качестве основных и в изданиях, увидевших свет в центральной части страны. Так, в сборнике статей, писем и заметок о студенческой нужде и самоубийствах учащихся «На помощь молодежи», выпущенном в Киеве в 1910 г., отмечалось, что студенчество голодает «духовно и физически», а бедность и самоубийства учащихся достигли чудовищных размеров. «Ослабление воли к жизни, отчаянная разочарованность, гнетущее одиночество и беспросветная материальная нужда – вот главные характерные черты современной жизни учащейся молодежи», – утверждалось в нем [18, с. III].

Многие российские газеты и журналы, в том числе и выходившие в Сибири, разместили на своих страницах информацию о докладе доктора Г. И. Гордона о самоубийствах среди учащихся, сделанном им 29 января 1910 г. на заседании отделения гигиены и воспитания при Обществе охранения народного здравия. В своем

докладе Гордон разделил причины самоубийств на 2 категории: школьные и общие. По его мнению, школьные причины (неуспеваемость, столкновения с учительским персоналом и школьный режим) вызвали 120 самоубийств (33%). К общим причинам докладчик отнес: неудачную любовь – 7,5%, семейные условия – 41%, болезни – 3%, недостаток средств – 2,1%, политические условия – 1%. Для того чтобы изменить сложившуюся ситуацию, Г. И. Гордон предложил организовать при отделе гигиены и воспитания постоянную комиссию по борьбе с самоубийствами. В задачи этой комиссии должны были войти следующие вопросы: реформа санитарного состояния школы, реформа преподавания, устранение отметок и экзаменов, улучшение материального положения учащихся [23, 10 февраля].

Предложение было принято, и в дальнейшем комиссия по борьбе со школьными самоубийствами в Обществе охранения народного здоровья стала своеобразным центром, куда поступали данные о совершенных суицидах и анализировались их причины. На ее заседании в декабре 1911 г. доктор Гордон выступил с докладом «Пессимизм и самоубийство», значительная часть которого была посвящена на этот раз рассмотрению причин самоубийств вузовской молодежи. Он привел данные о том, что за 5 лет (с 1905 по 1909 гг.) в вузах России было 75 случаев самоубийств (1905 г. – 5, 1906 г. – 3, 1907 г. – 8, 1908 г. – 17, 1909 г. – 42). Связав самоубийства с пессимизмом, докладчик отнес к основным мотивам последнего неврастению, истерию, ипохондрию, материальную необеспеченность и тяжелые общественно-политические условия. Он отметил, что материальное положение студентов тяжелее положения всей трудящейся демократии: студент живет на 300 руб. в год, а квалифицированный рабочий на 550 руб. В результате докладчиком был сделан вывод о том, что нужно бороться с тяжелыми материальными условиями жизни студенчества [21, 23 декабря].

Примерно к такому же выводу пришел и автор книги «По поводу самоубийств среди учащихся. Психологические соображения» Б. Краевский, утверждавший, что «материальное обеспечение учащихся есть прямой долг и прямой расчет общества и государства», поскольку «фактор, понижающий в глазах учащейся молодежи ценность жизни – это беспросветная нужда», поэтому нужно помогать учащейся молодежи стипендиями и пособиями в целях обеспечения будущего нации [15, с. 50-54].

Тема вопиющей бедности студентов и учащихся как фактора, способствующего формированию суицидальных настроений, нередко поднималась и на страницах сибирских печатных изданий. Например, в марте 1899 г. газета «Сибирская жизнь» писала о крайне тяжелом положении, в котором находятся воспитанники Томской учительской семинарии, получающие 10 руб. стипендии: «На эти деньги надо нанять квартиру, прокормиться и одеться, а в случае надобности и полечиться» [27, 20 марта]. В январе 1910 г. в газете «Омский вестник» была помещена заметка под заголовком «Пасынки», описывавшая жизнь и быт воспитанников Семипалатинской учительской семинарии. В заметке отмечалось, что, получая стипендию 10 руб. в месяц, ученики живут на частных квартирах, стоимость которых составляет 10-14 руб., а возможность заработка практически отсутствует. Семинаристы скудно питаются, а перед стипендией голодают [20, 13 января]. В мае 1910 г. в газете «Омский телеграф» сообщалось об исключении двух учеников из Омской учительской семинарии за невзнос платы за обучение. Особо отмечалось, что «многие из воспитанников этого училища, благодаря крайней недостаточности материальных средств, вынуждены жить на пище святого Антония» [11, с. 63]. Типичный, к сожалению, случай самоубийства по причине «полной нищеты и ужасной семейной обстановки» воспитанницы 7 класса Ачинской женской гимназии Евдокии Медведевой нашел свое отражение на страницах иркутской «Восточной зари», цитировавшей предсмертную записку девушки, в которой она объясняла свой поступок «полным разочарованием в жизни, которую считает пустой и глупой шуткой» [18, с. 246].

Сами воспитанники учебных заведений напрямую связывали свое бедственное материальное положение с большим количеством заболеваний и смертей в их среде. Выпускаемый от имени томского студенчества журнал «Сибирский студент» прямо указывал: «В тисках голода и нужды давно уже бьется наше студенчество. Среди причин многочисленных самоубийств, индивидуальной замкнутости и аморальных эксцессов учащихся – общественные и экономические стоят на первом плане» [35, стб. 43-44].

Таким образом, сибирские печатные издания основные причины самоубийств студентов и учащихся выводили из несовершенства всего строя империи, который не может обеспечить ни благополучного материального положения учащихся, ни комфортных условий получения образования. При этом они прямо или косвенно указывали, что неправильная постановка учебно-воспитательного дела не является частным недостатком отдельных учебных заведений, а отражает недостатки системы в целом. Тема самоубийств во многом была поводом для критики действительности. Подобные публикации заметно влияли на формирование в обществе убеждения в том, что изменения в школе необходимы. Следует признать, что сибирские печатные издания, отражая на своих страницах актуальные вопросы современности, сыграли немалую роль в формировании мнения о необходимости перемен в школе и, шире, – в обществе. Поэтому лозунги радикальных политических партий падали на подготовленную почву, убеждая общественность в невозможности реформирования школы без изменения государственного строя, что нашло свое выражение в лозунге: «Свободная школа в свободном государстве».

Список литературы

1. **Беленцов С. И.** Влияние педагогических факторов на гражданскую активность школьников в России второй половины XIX – начала XX века: автореф. дисс. ... д. пед. н. Курск, 2007. 42 с.
2. **Ватник Н. С.** «Школьный фактор» в самоубийствах учащихся Центральной России начала XX в. // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 2. С. 96-102.

3. Гордон Г. Современные самоубийства // Русская мысль. 1912. № 5. С. 74-93.
4. Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. И-55. Оп. 1.
5. ГАТюмО. Ф. И-57. Оп. 1.
6. Жбанков Д. Современные самоубийства // Современный мир. 1910. № 3. С. 27-63.
7. Завражин С. А. Самоубийства среди учащихся в дореволюционной России (из истории вопроса) // Педагогика. 1992. № 9-10. С. 86-88.
8. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 25. Оп. 1.
9. ИАОО. Ф. 32. Оп. 1.
10. ИАОО. Ф. 113. Оп. 1.
11. Ищенко О. В. Влияние социальных характеристик учащихся Западной Сибири на проявление их общественной активности (1907-1910 гг.) // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 1. С. 60-71.
12. Кныш Г. Н. Учащаяся молодежь в российских революциях. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1993. 152 с.
13. Константинов Н. А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г. М.: Учпедгиз, 1956. 248 с.
14. Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаетова М. Ф. История педагогики. М.: Просвещение, 1982. 447 с.
15. Краевский Б. По поводу самоубийств среди учащихся. Психологические соображения. Харьков: Типография «Печатник», 1910. 54 с.
16. Лярский А. Б. Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX-XX вв. СПб.: МИЭП, 2010. 384 с.
17. Малиновский И. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1908. Вып. 1. 255 с.
18. На помощь молодежи: сборник статей, писем и заметок о студенческой нужде и самоубийствах учащихся. Киев, 1910. 284 с.
19. Никитин Е. В. Накануне реформы средних школ. Томск, 1909. 44 с.
20. Омский вестник. 1910.
21. Омский вестник. 1911.
22. Омский вестник. 1912.
23. Омский телеграф. 1910.
24. Омский телеграф. 1911.
25. Омский телеграф. 1912.
26. Самоубийства, покушения на самоубийство и несчастные случаи среди учащихся русских учебных заведений в 1905 г. СПб., 1906. Вып. 1. 34 с.
27. Сибирская жизнь. 1899.
28. Сибирская жизнь. 1910.
29. Сибирская жизнь. 1913.
30. Сибирская жизнь. 1914.
31. Сибирские вопросы. 1912. № 15.
32. Сибирские вопросы. 1912. № 17.
33. Сибирские вопросы. 1912. № 24-25.
34. Сибирские вопросы. 1912. № 29.
35. Сибирский студент. 1914. № 1.
36. Синова И. В. Гендерный анализ девиантного поведения подростков на рубеже XIX-XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2013. Вып. 3. С. 116-125.
37. Томский некрополь: списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах: 1827-1939. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 395 с.
38. Тяжельникова В. С. Самоубийства коммунистов в 1920-е годы // Отечественная история. 1998. № 6. С. 158-173.
39. Феноменов М. Я. Причины самоубийств в русской школе. М., 1914. 130 с.
40. Шамахов Ф. Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907-1917 гг.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1966. 196 с.

**“THE HORROR OF OUR TIME...”: SIBERIAN PRINTED PUBLICATIONS
ABOUT EDUCATIONAL INSTITUTIONS PUPILS’ SUICIDES
AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

Ishchenko Oksana Vladimirovna, Doctor in History, Associate Professor
Surgut State University
ioyfu@yandex.ru

The article deals with the representation of the problem of educational institutions pupils’ suicide in the pages of Siberian printed publications at the end of the XIX – the beginning of the XX century. Thereupon, the analysis of the main reasons of suicidal acts that were presented to the public is carried out. The author concludes that Siberian printed publications used the topic of suicides as a cause for the criticism of the reality, which played an important role in the formation of public opinion about the need for changes both at the school and in the state.

Key words and phrases: pupils of educational institutions; suicides; prints; organization of education; financial insecurity; public opinion; transformations.